

Старший брат

Был бы у Сони старший брат, он бы посмотрел свысока на стопку её любимых книг, хмыкнул, а потом рассказал, что в стране настали перемены и надо читать не затёртые до лоска рассказы о пионерах-героях и прочую патристическую ерунду, а правду. Правду о том, как СССР готовился первым развязать войну, о том, что навязанная народу официальная история—это ложь, о том, что Зойка твоя была придурочной. Да, именно так бы он и сказал: твоя Зойка была сумасшедшей поджигательницей, и весь смысл жизни её был поджигать чужие дома. Об этом писали в газете, разве может это быть неправдой? А книжки—что книжки? Раньше за неверно сказанное слово са-жа-ли. Он бы смаковал это «са-жа-ли», пока в воздухе не запахло огородом и костром, и ещё чем-то удивительным, но Соня взглянула бы в искажённое лицо брата, заревела и побежала к маме.

А мама бы сказала... мама бы сказала... сказала:
— Не выдумывай!

Не было у Сони старшего брата.

Зато был сын маминых друзей. Мишка был добрый, а ещё их связывало братское прошлое: импортная коляска голубого цвета, купленная Мишке за год до Сониного рождения, перешла по наследству именно к Соне.

Неподальёку от Мишкиного дома горел Вечный огонь. Почему-то полагалось бросать в него мелочь, но мелочи у детей никогда не водилось, и было обидно не соблюдать традицию.

— А зачем монетки, не знаешь?—как-то раз спросила Соня у Мишки. Родители устроили сабантуй, а детей отправили погулять. С утра сыпал снег, затем поработали дворники, и площадь вокруг Вечного огня была завалена сугробами, ослепительно-белыми на фоне чёрного зимнего неба. Такими же сугробами высились над вечной мерзлотой гранитные плиты с именами погибших на войне. Сейчас имена были спрятаны под толстым слоем снега, который надо было убрать. Шерстяные варежки быстро промокли и покрылись коркой от мороза, зато стало удобнее счищать снег—каждая рука была, как маленький экскаватор. Четыре экскаватора быстро справились с одной плитой. Пальцы внутри одеревенели, и дети решили отогреть их у огня. Тогда-то Соня и задала вопрос.

— А зачем монетки, не знаешь?

Мишка знал.

— Есть подземная река, она отделяет мир живых от мира мёртвых...—начал он важно.

— Мир мёртвых—это ад или рай?

— Всё вместе. Не перебивай. А на реке работает паром, только почему-то он не на «п», как обычные паромы, а на «х»—харом.

Мишка проводил лето у бабушки на большой реке без моста и точно знал, что такое паром.

— Чтобы переправиться с одного берега на другой, нужны деньги, вот живые и кидают монетки, чтобы мертвецам было чем расплатиться.

— А дальше?

— Дальше их высаживают, делят по грехам, ну и направляют, кого в ад, кого в рай.

— А если нет денег, чтобы заплатить?

Мишка пожал плечами:

— Будешь вечно скитаться по земле. Откуда, думаешь, привидения берутся?

Соня засомневалась:

— Но ведь огонь не для всех мёртвых горит, а только для тех, кто воевал. И для памяти.

— Для памяти,—согласился Мишка.—И плиты с именами вроде бы просто для памяти, а на самом деле под ними люди похоронены.—Он перешёл на зловещий шёпот.—Мы с тобой сейчас могилу раскапывали. Они там, под землёй охраняют переправу. Сколько тут—человек сто? Это рота. Как раз хватит, чтобы от врага обороняться. А чуть что—сами переправились, а враги вплавь. А мы их с той стороны—бац-бац, тра-та-та-та!—Мишка вошёл во вкус.

— Какие враги? Немцы? Там война ещё продолжается?—удивилась Соня.

— Ага! Они же умерли до того, как подписали капитуляцию.

— Я так и знала!

Действительно, такая война не могла закончиться бесследно, это Соня чувствовала каждое девятое мая. Пока в кино и книжках солдаты убивали друг друга, ни о каком мире речи не шло. И по-прежнему где-то поднимались в атаку полки, и хватались за пустой воздух подкошенные пулями люди, и некому было им сообщить, что наступил мир. Здесь, на северной земле было спокойно, и это

внушало подозрения. Война кругами ходит вокруг людей — подозрительно Соня это понимала всегда.

Где-то далеко, «на материке», строилась новая Россия, долетавшая до Крайнего Севера рекламой прокладок с крылышками и безопасного секса, но Соне не было дела до новой России, пока её мирок из мамы, отчима, школы и северного города находился в безопасности.

Ну и, конечно, Мишка.

— Погоди, — вспомнила Соня. — А как же рай и ад? Почему они не переправятся через реку?

— Ты дура, — сообщил Мишка. — Тогда никто в Бога не верил. А какой им рай, если они верят только в войну?

Соня подумала и согласилась. Оставалось решить, что сделать для того, чтобы война кончилась совсем. Если кинуть в огонь записку, она сгорит. — Надо что-то металлическое, — авторитетно заявил Мишка. — Вот как медаль за Победу. Тогда и наши поймут, и немцы.

Соня кивнула.

Мишка любил фантазировать.

Соня завидовала тому, как здорово выдумывал он игры с мелкими иностранными монетами, которые собирали старшие обитатели дома. На монетах изображались люди, птицы и львы, под ними теснились иностранные буквы, а одна — Мишка утверждал, что японская — денежка была с дыркой посередине. Будь у Сони такая монетка, она носила бы её на цепочке на шее. Денежные столбики надо было сбивать то прицельным ударом крупной монеты, то кручёным, то в отскок от стены. Мишка умел складывать из бумаги зверей и птиц. А потом у него появился набор фокусника, и однажды во время семейного праздника он устроил Соню в первом ряду и стал, как на сцене, изображать волшебство. Соня сидела на ковре, а второй и третий ряд — диван и его спинка — предназначались для почётных гостей, которые непременно должны были явиться в разгар представления. Соня надулась — её не считали почётным гостем.

Мишка налил воду в стакан и перевернул его над головой. Вода крепко держалась за гладкие стенки, и Мишкина шевелюра оставалась сухой. Соня сдержанно поаплодировала.

Мишка показал колоду с дыркой посередине, вставил туда палец и со страданием на лице начал медленно вытаскивать одну карту. Соня смотрела во все глаза, она ждала, что отрезанная фаланга упадёт на ковер, но карта опустилась обратно, а Мишкина рука осталась цела. Он глубоко вздохнул и утёр воображаемый пот со лба.

— Облейся водой из стакана, — посоветовала Соня. — Запомни карту! — скомандовал он, показав половину колоды, затем перетасовал карты, поворачивая глазами, поводил руками и поднял в пятерне того же красного валета. Соня озадачилась. Другие

фокусы были понятны и предсказуемы. Здесь же явно что-то было нечисто. Соня потребовала разоблачения.

Мишка сложил руки на груди и вскинул голову: — Я, великий волшебник Микаэль ибн Бей, клянусь: тебе никогда не постигнуть секрета моего мастерства! Уста мои запечатаны, а печать настояна на молоке семи овец, выкормленных травой с южного склона горы Амальгамы!

— Иди нафи! — окончательно обиделась Соня и попыталась вырвать у Мишки карты. Драка была короткой и победоносной для противника. Мишка двинул Соню кулаком, и она упала на диван, но разревелась не успела. В комнату заглянула Мишкина мама и позвала к столу, а почётные гости и без того уже звенели посудой в зале — взрослые игры были им интереснее. Мишка захлопнул заветный ящик и засунул его за шкаф.

В зале пахло всей едой на свете: жареная курица сплелась с ароматом огурцов и селедки под шубой, вдали вился апельсинный запах, такой северный, такой зимний. Детей усадили за раздвинутый стол и Сониная мама начала говорить особым поздравительным голосом:

— Представь, что ты идёшь по лесу. Темно, страшно! И вдруг из-за кустов, из-за стволов к тебе лезут деньги и начинают тебя бить! И вот бьют они тебя, бьют, а ты отбиваешься от них!

Соня сползла со стула и, под пожелание никогда не отбиться от денег, вынырнула из зала. Путь её лежал в Мишкину комнату, и прежде чем отзвенели рюмки, Соня залезла в фокусную коробку. Стакан был с двойным дном, у карты в дырявой колоде был обрезан край, а целая колода попросту не имела рубашек, и сзади показывала то же изображение, что и спереди. Всё стало ясно. — Мошеник! — возмутилась Соня и стала с Мишкой заключить врагом, о чём он так и не узнал.

Напоказ ничего не изменилось, но ощущение того, что у Сони есть личный враг, которого она будет ненавидеть до конца жизни, доставляло удовольствие, несравнимое ни с какой — даже самой крепкой — дружбой. Мишка был красивый. Наверняка, он бы первым переметнулся на сторону фашистов, потому что такой красивый.

«Вот захватили нас в плен, — думала Соня, — в кандалы заковали, посадили в подвал. И ведут меня на пытки калёным железом, а его, наоборот, выпускают на волю. Целёхонького. В чистой футболке. И я смотрю на него с презрением, потому что предатель, а он жмётся к стене и опускает глаза, жалкий трус!»

Тут Соне становилось не по себе, и она придумывала Мишке другую судьбу: как будто сначала он смалодушничал и пошёл в полицаи, а потом стал помогать нашим подпольщикам и партизанам — где-то такое было, она читала. И когда не осталось никакой надежды, именно он, Мишка,

ценой собственной жизни помог Соне бежать. Она кожей ощущала мгновения, за которые ей удалось скрыться, оставляя за спиной гибнущего спасителя. Они свистели, как пули у виска, точнее, тянулись вдоль него, как резина, готовая сорваться и полететь назад с невероятной скоростью. Стоп, так тоже не годилось, потому что тогда она сама становилась предателем.

Наверное, лучше ей вернуться и погибнуть вместе с Мишкой, запев напоследок военную песню. В книжках все герои поют «Интернационал», но она его ни разу не слышала. Комелькова в кино пела о любви, а ещё «Катюшу», или был такой раскудрявый клён, или песня про эхо... Да, эхо как нельзя кстати! Правда, оно о любви, но раз они гибнут вдвоём, то это почти любовь.

«Его ранят, я склоняюсь над ним и хочу перевязать, но пуля ударяет в спину...»

Дальше надо было умирать, но умирать не хотелось, а логика событий иного исхода не предусматривала, и Соня злилась на Мишку тем больше, чем туманнее рисовалось их военное будущее.

Мишке не было дела до воображаемых подвигов, а про драку он забыл. Близились лето, кончался первый класс, и, по словам родителей, сын становился совсем взрослым, потому что дальше—среднее образование, не заметишь, как выпускной, надо в институт, не дай бог, армия, времена страшные, нужна хорошая подготовка, здесь такой нет, надо переезжать в столицу. Мишка в планы родителей не вникал. Ему хватало мыслей об отъезде к бабушке в южный город и грядущей летней свободе.

Но зачем-то мама решила собрать в коробки зимние вещи, и убрать книги из шифоньера, а заодно разобрать и сам шифоньер. Мишка с отцом смахивали пыль с разноцветных томов и связывали их стопками.

— Как думаешь, — отец держал нетолстую книгу в серой обложке, — подарить Соне? Она такое любит. — Про войну? — уточнил Мишка.

— Не про любовь же, — хмыкнул отец. — Или сам почитай. Тебе полезнее. А то свихнётся девчонка.

Мишка подумал и мстительно решил:

— Подарим.

Когда Соня узнавала о предстоящем походе в гости, она эмоций не показывала. На тот случай, чтобы отчим не придумал оставить её дома в наказание за что-нибудь. И Мишка, увидев её в коридоре, кивал и уходил в свою комнату. Этикет вражды не позволял отправиться следом, и Соня с нетерпением ждала, пока мама с отчимом снимали дублёнки, стряхивая с них уличный иней, который опадал мелким холодом. Затем все шли в зал, где был уже накрыт стол, и по телевизору ведущая местного канала добрым голосом зачитывала пожелания родившимся в этот день. Поздравляли дети, родители, коллеги, друзья.

Подарками выступали популярные клипы. Соня мечтала, чтобы когда-нибудь и её так поздравили, но до детей и коллег было далеко, друзей у неё почти не было, а родители бы ни в жизнь не стали тратить на ерунду.

В такие вечера Мишка всегда приглашал Соню поиграть: построить железную дорогу, сложить из разноцветных пластмассовых деталей город. В последние месяцы Соня холодно отказывалась, а мама возмущалась:

— Соня! Это невежливо! Поиграй с Мишей.

Маму приходилось слушаться, и Соня покорно шла играть с презираемым врагом, пряча радость, вспыхнувшую внутри. Мишка никак не мог понять, отчего злится Соня и поначалу всячески пытался её веселить. То на руках по комнате начнёт ходить, а потом с красным лицом и выпученными глазами падает на ковёр. То набросит простыню на голову и изображает привидение. То ноги за голову закинёт и ползает по комнате, как краб.

«Вот дурак!» — думала Соня и осуждающе качала головой.

Мишке становилось скучно, и он уходил к родителям.

Расклеивалась дружба. Соня страдала.

В тот вечер Мишка не стал придуриваться, а сразу вручил Соне книжку.

— Тебе. Там про партизан, ты такое любишь.

— Ой! — сказала Соня и улыбнулась.

А Мишка покраснел.

В книге было несколько рассказов. В одном немцы ловили партизана, и, задержав, вели его в штаб. На допросе он молчал, а в конце вытаскивал из-за пазухи гранату, и, выдернув чеку, бросал в офицеров. Те успевали нырнуть под крепкий дубовый стол и потому оставались живы. Сам партизан погибал, и, оценив его мужество, враги хоронили его, как героя, с воинскими почестями. В другом рассказе почестей не было: группу разведчиков вели на казнь к виселице, и они, обнявшись, запевали песню и безоружными шли на врага. У немцев не выдерживали нервы, и они расстреливали разведчиков из автоматов. Потом, правда, всё равно вешали, уже мёртвых, — для устрашения населения.

Последний рассказ был самым интересным — он был про Зою. К тому времени Соня знала наизусть «Повесть о Зое и Шуре», которую написала их мать, и где ни слова не было о том, что Зою предал товарищ по отряду. В рассказе же подробно описывался допрос Василия, на котором тот рассказывал подробности их задания в тылу, пытки Зои и последний разговор главных героев в запертом чулане деревенского дома.

— Признайся, — уговаривал Зою Василий. — Они всё равно уже знают. Хоть жизнь сохранишь.

Зоя закусывала посиневшие губы и качала головой:

— То, что меня предали, не означает, что я должна стать предателем. Лучше смерть.

Соня читала и покрывалась мурашками. Она третьей мёрзла в чулане, она отчётливо слышала хриплый голос Василия и усталый шёпот обречённой девушки.

«Мерзавец!» — думала Соня, едва не плача. От холода, описанного в книге, её потряхивало, но мужество хрупкой девушки, погибшей, но не предавшей, горячило душу.

Мишкин подарок дорогого стоил, но сообщить ему об этом Соня не успела — наступило лето, а осенью он в город не вернулся...

Ведьма

Тем летом Соню отправили в летний лагерь на Азовское море. В родне нашёлся замдиректора крупного завода, которому лагерь принадлежал. Поговаривали, что именно с подачи замдиректора была выстроена белокаменная набережная, над которой ночами висела круглая жирная луна и где парочками прогуливались вожатые. Вожатая Сониного отряда с лицом скучным, как пропотевшая рыба, была года на три старше подопечных и с тревогой относилась к своему авторитету. Однажды Соня назвала её Леной и та взвилась костром: — Елена Андреевна! Какая я тебе Лена!

Соня пожалала плечами.

В лагере ей пришлось туго: правильный выговор сразу же насторожил остальных девочек, а когда соседка по кроватям, сильно хэкая, рассказала Соне о несчастной любви к Витальке из старшего отряда, та засмеялась и назвала это глупостями.

— А у тебя самой-то мальчик есть? — издевательски протянула соседка.

— Ну, есть.

— И как его зовут?

— Миша, — назвала Соня первое пришедшее на ум имя.

— А фамилия?

Назвать фамилию Соня не решалась — как будто тут же станет ясно, что она врёт, а такого унижения она перенести не сможет, — и Соня не находила, что ответить.

— Ага! Даже фамилии не знаешь! Да нет у тебя никого.

— Нет, есть!

— Если есть, значит, целовалась. Поцелуй Витальку, тогда поверю!

Соня не понимала, зачем ей целовать Витальку. — У него зубы гнилые, — ответила она. — Сама целуй.

Соседка не преминула сообщить Витальке Сонино мнение, и тогда мальчишки измазали спящей Соне лицо и подушку жгучей зубной пастой, и наутро ей пришлось просить у вожатой другую наволочку. История стала известна начальству,

мальчишек наказали, чтобы было неповодно другим. В отместку те украли и выкинули в овраг всю Сонину обувь. И ей опять пришлось жаловаться, и им опять влетело. Взаимная неприязнь нарастала снежным комом. Так Соня стала изгоем, с которым общались только в крайних случаях, но пакостили при любой возможности. Её шпыняли, толкали, обзывали, прятали одежду и лили воду в постель. Чтобы лишний раз не показываться на глаза учителям, девочка почти перестала появляться в корпусе и получила кличку «бомжовка», особо неприятную именно женским родом. Неприязнь к Соне распространилась даже среди воспитателей и работников лагеря, что уже было обидно. Но был и свой плюс: за ней почти не следили и можно было делать что заблагорассудится.

Однажды вездесущие мальчишки принесли известие: в лесу неподалёку от лагеря стоит избушка ведьмы. Зовут ведьму Зоей, и она страшная. Тот, кто с ней встречался, тут же умирал, потому что Зоя выпивала из человека всю кровь. «До последней капельки!» — с наслаждением тянули мальчишки, а девочки охотно верили.

— Идиоты, — сказала Соня, — ведьм не бывает.

Она сидела неподалёку и делала вид, что читает книгу.

Ребята переглянулись.

— А ты, бомжовка, сходи к ней ночью, поглядим, вернёшься ли?

— Я схожу, а вот вам, уродам, слабо: хоть ночью, хоть днём. И сами вы бомжовки.

— Шо? Это кто уроды? — разъярились дети.

Соня отложила книгу. Внутри что-то мелко и противно дрожало, но она заставила себя встать. — Совсем страх потеряла?

Соня смотрела на них и вдруг почувствовала, как кровью наливается лицо, сгибаются плечи и сжимаются кулаки. Она ощутила, как крепко стоит на земле и как — не покачнувшись! — врежет первому обидчику под дых, а потом второму по лицу. Будто лишние конечности отросли и заиграли силой. Каждый встречный удар она предвкушала и каждый свой слышала: треск, хруст, крик. Впервые она почувствовала наслаждение драки.

— Идите сюда! — с весёлой яростью заорала Соня. — Поговорим! Ну?

Ребята замешкались, а девочки напряжённо загоготали:

— Совсем чеканутая!

— Окей, — к Соне подошёл Виталька из старшего отряда, — пойдёшь сегодня одна. Мы тебе дорогу покажем.

Толпой довели её до лесной дороги.

— Чего? — спросил Виталька. — Иди!

И Соня шагнула в темноту. Первые метры она спиной чувствовала взгляды и не могла позволить себе трусость. Но темнота шевелилась по краям дороги, трещала и шумела. Когда Соня повернула

в сторону и скрылась из чужих глаз, страх влез в позвоночник, и никакими усилиями нельзя было его изгнать. Каждый шаг давался с трудом и был похож на последний в жизни: касаясь ступней земли, девочка вжимала голову в плечи, ожидая удара. Потом села на корточки, обхватила себя руками и заплакала. Ей было страшно, хотелось вернуться, вокруг были дикие звери и первобытный ужас. А в конце пути, меры которому не было, её ожидала патлатая ведьма с кривым зубом и острым ножом. И таким неправдоподобным показался этот зуб, что Соня удивилась, заставила себя подняться и шагнула вперёд. Она сделала ещё шаг, а потом развернулась и прыгнула назад. Она промчалась мимо недругов, и те, опешив, побежали за ней, она вскочила на крыльцо корпуса и с разбегу нырнула под одеяло на своей кровати. Там не грозили ни ведьмы, ни злые пацаны и девчонки, которые прибежали следом, и, перепуганные, звали её и дёргали за одеяло, но ответа не добились. Отныне Соня молчала.

Утром она встала раньше всех и отправилась в лес. Ночью незнакомая дорога чудилась бесконечной, а на рассвете было почти не страшно, только тревожно шныряли в траве какие-то зверьки, и выяснилось, что ведьмин дом находится совсем рядом с лагерем.

Прежде чем заглянуть в окно, Соня исследовала дом со всех сторон. Стоял он на поляне, прямо перед ним находился широкий асфальтированный квадрат, из его трещин торчала трава.

Позади дома кучей были свалены гипсовые фигуры горнистов, барабанщиков и пионеров. Эти семь или восемь грязно-белых тел были совсем как живые, но лежали в странных позах — как стояли, дули в горны и били в барабаны, так и свалились замертво, неестественно застыв друг на друге. Вокруг них и в сгибах прохуdivшихся рук и ног проросла крапива.

Окно наполовину было забито фанерой, изнутри пахло гниющим деревом и сыростью. Сжавшись от страха, Соня медленно приблизила лицо к провалу, оскаленному стеклом. В доме стояли столы, по бокам висели пустые стенды, а с самого края, где всё терялось в темноте, был едва заметен наклеенный на стену портрет: по красному фону белыми линиями были выведены черты лица девушки, и короткие волосы её тянулись кверху языками огня. Рядом с портретом висела крупная надпись в три ряда:

«Мне не страшно умереть...»

Это счастье — умереть...

Зоя...»

Сбоку бумага была оторвана, но Соня знала остальные слова: в первом ряду не хватало слова «товарищи», во втором слов «за свой народ», а в третьем наверняка была фамилия — Космодемьянская. Надо же! Дураки какие: придумали ведьму.

В сторону от дома вела широкая дорога, которая кончалась ещё одной поляной, но без асфальта. Поляна заросла высокой травой, среди которой отдельными крупными пучками росли чертополох, крапива и репейник.

Каким-то чутьём Соня поняла, что здесь разводили костёр — тот самый пионерский лагерный костёр, про который она читала в книжках. От поляны ещё одна полузаросшая тропка вела вбок. Аккуратно пригибая у корня и топчя сандалией крапиву, Соня прошла по тропе и, раздвинув ветки кустов, увидела стену своего корпуса. Тропа была короче большой дороги минут на пять. Так-так...

Дом ведьмы оказался то ли пионерской комнатой, то ли музеем. Совсем нестрашным. — Эй, Сооооонь! — Соня вздрогнула, но не отреагировала. — Ведьму видела?

И девочки засопели, придвигаясь к ней ближе. — Чего молчишь?

Соня сумела вернуться незамеченной и забраться в кровать за пять минут до общей побудки.

Теперь же, увидев испуг и любопытство соседок, она поняла: настал час отмщения! Ох, как можно будет покуражиться над всеми — кто как не Соня знал, что угрозы от «дома ведьмы» не исходило. И она молча улыбнулась девочкам жуткой улыбкой, от которой по их спинам пробежал озноб.

В ту же ночь, дождавшись отбоя, группа храбрцов — и мальчики, и девочки — выбралась в окно и отправилась в лес. Следом за ними, стацив с кровати простыню и спрятав её под майкой, отправилась Соня. Девочки явно трусили идти в темноте по узкой лесной тропке, а мальчишки нарочно их пугали. Кроме шёпота, иногда слышались ойканья и повизгивания.

На площадке перед домом ребята остановились. — Тут.

— Мамочки...

— Загляни в окно, там её портрет.

Девочки осторожно подошли к окну, встав на цыпочки и держась за подоконник, пытались заглянуть внутрь.

— Не видно ничего.

— Там что-то белое.

— Двигается?

— Пойдёмте отсюда!

— Ой!..

В это время на костровой поляне Соня накрылась простыней и подошла к асфальтовой площадке...

Ребята на поляне услышали странное гудение. — Слышите?

Они заволновались и стали озираться.

— Смотри! — выдохнул кто-то.

Это прозвучало как команда, и тут же раздался дружный топот — перепуганные мальчики и девочки, не глядя, бежали прочь от страшного дома. По соседней тропке бежала Соня. Она успела первой

домчаться до корпуса, влететь в окно и упасть на кровать. Через несколько минут то же самое проделали остальные девочки.

— Я чуть не умерла!

— А может, показалось?

— Ведьма?!

— Вы видели?!

— Выла!

— Конечно, ты же к ней в дом лезла!

Обрадованные спасением, девочки смеялись и говорили так громко и быстро, что даже не заметили пыhtения Сони. Когда в палату заглянула сердитая вожатая и потребовала тишины, Соня подумала: «Вот бы сейчас на них наклепать!»—и продолжила делать вид, что крепко спит.

Легенда о Зое быстро расползлась по лагерю, дошла она и до директора. В качестве трудового воспитания и борьбы с суеверием тот обязал старшие отряды привести в порядок «дом ведьмы» и костровую поляну. Старшие наотрез отказались, не помогла даже угроза отмены дискотеки. Средние целыми днями обсуждали ведьму и так запугали младших, что те по ночам боялись выходить из палат по естественной нужде и терпели до тех пор, пока простыни не оказывались мокрыми. Дисциплина неуклонно падала, Соня чувствовала себя диверсантом в тылу врага и ликовала.

Директор всё-таки не решился отменить дискотеку: в воскресенье на набережную вытащили колонки и магнитофон. С утра девочки обсуждали самый важный вопрос: как совместить аэрозоль от комаров с туалетной водой, чтобы пахнуть приятно, но не быть покусанной.

— Я в прошлый раз весь медляк терпела— он как сел на спину в начале, так до конца и сидел!— жаловалась одна из признанных фиф.

«Идиотка придурочная, — думала Соня. — Смахнула бы!»

Мальчишки делали безразличный вид. Соня планировала вечерние события на свой лад.

Когда на берег упали морские сумерки, на площадке медленно разгорались фонари, а под музыку уже всюю извивались тела, Соня в палате залезла в косметичку соседки и стянула оттуда ярко-алую помаду. Потом на зеркале в общем коридоре она написала: «Не спи, я рядом! Зоя» и крупными буквами на кафельной стене умывалки напротив зеркал: «Я ещё вернусь. Зоя». Потом она добежала до Зоиною музея, на стеклянной части окна оставила надпись «Я здесь и позади тебя», измазала ладонь помадой и припечатала фанеру. На окне остался след размазанной пятёрки. Помаду она вложила в руку гипсового горниста, лежащего за домом. Вряд ли кто-то отважится идти за дом после того, как увидит надпись, но подстраховаться стоит. Листом лопуха она вытерла ладонь и положила рядом с горнистом. Ну, теперь визгу будет!

Потом вымыла руки под личным умывальником, на набережной села на скамейку и стала ждать. Вожатые стояли в стороне и кокетничали друг с другом. Воспитателей видно не было, они развлекались сами по себе. Вот закончился медляк и, отлипнув от мальчишек, девочки стайкой отправились в корпус. Соня затаила дыхание.

— Мамаааа!— вопль попал в перерыв между песнями, и толпа с набережной ринулась на звук. Навстречу им уже летели девчонки с выпученными глазами.

— Там!.. Там!.. Там!..— кричали они.

Теперь уже никто не желал танцевать, подростки сбились в стаю и отказывались расходиться по палатам. Кое-как вожатым удалось увести их спать, воспитатели собрались для совета: надо было решить, что делать с повальным суеверием.

Вожатая Лена предложила устроить засаду, её поддержал физрук:

— Там есть замечательные кусты, вдвоём мы прекрасно поместимся. И незаметно.

Лена для виду поломалась, но согласилась. С собой она взяла плед, обрадованный физрук прихватил самогон.

— Надо же как-то время коротать, — пояснил он, — давай на брудершафт?

Взбудораженные происшествием, девочки не спали и перешёптывались. Вместе с мальчишками из старшего отряда они решили снова отправиться в лес, тем более что вожатая почему-то отсутствовала. Снова Соня кралась следом, зажав под мышкой простыню, и снова дожидалась на костровой поляне, пока враги подойдут поближе к дому. Она едва успела облачиться в привидение и завить, как крепкие руки схватили её за горло. Не хватало воздуха, подкашивались ноги, падая, она услышала крик вожатой Лены:

— Отпусти!

Простыня слетела с её головы, перед ней предстала растрёпанная и румяная Лена. Рядом стоял злой и не менее румяный физрук. От него сильно пахло алкоголем. Узнав Соню, он снова схватил её за горло, та пнула его по колену, и Лене едва удалось их растащить.

— Ах ты паскуда!— процедил физрук.

Соня всхлипнула, держась за горло: — Я дяде всё расскажу! Он вас уволит!— и она закашлялась.

Лена и физрук переглянулись.

— Давай так, — предложила Лена. — Мы никому не скажем про тебя, а ты — вот про это?

Соня медленно кивнула.

— Пошла спать, дрянь!— прорычал физрук, и Соня, скомкав простыню, двинулась к корпусу коротким путём.

Она размазывала слёзы, сглатывая через силу — болело придавленное горло — и твёрдо знала,

что утром пойдёт к директору и честно всё расскажет. Гнев дяди её не страшил, ужаснее было оставаться в лагере до конца смены. И пусть её выгонят с позором, всё равно она их ненавидит. — Ссволочи... — шептала Соня, уже лёжа в кровати.

Вскоре Лена и физрук приконвоировали её соседок, впихнули в палату и, грозя всеми карами, ушли.

Наутро директор выслушал историю, но шум поднимать не стал, вызвал дядю и спровадил проблемную девицу прочь. Физрук в тот день уехал в город, и Соня жалела, что не в её силах заставить его извиняться.

Дядя хмурился:
— Ведьмы какие-то...

А Соня довольно улыбалась, глядя в окно автомобиля: на прощание она изобразила девочкам свои чувства всеми неприличными жестами, какие знала. Свобода настолько вскружила голову, что она бы и Витальке из старшего отряда врезала, попадись он на пути. Не попался. Урод.

БДСМ

После зимней сессии стало ясно, что финал неизбежен. Студенты в бешеном темпе искали подработку, которая после выпускного могла бы перерасти в основную работу. Соседушка взялась вести сайт «Дитя порока».

— Вибраторы, бандажи, плётки, — безмятежно пояснила она. — Мероприятия.

— Ужас! — воскликнула Соня и закатила глаза. — Они тебя плохому научат! Беги!

— Платят-то хорошо, тусить опять же можно бесплатно.

— Зачем тебе тусить с извращенцами?

— Интересно же.

Соня не нашла, что возразить. Ей тоже было интересно.

— И что они делают на мероприятиях? Предаются свальному греху?

Соседушка засмеялась:

— Ну, там специальная программа, кого-то порют, кого-то связывают. Госпожи приходят с рабами на поводках, при мне одного отстрапонили.

— Ммм, — кивнула Соня. — А это как?

Соседушка взглянула на неё с жалостью и объяснила. Соня выпучила глаза и покраснела.

Несколько месяцев спустя соседушка так втянулась в повседневную извращенскую жизнь, что и сама стала время от времени принимать участие в показательных выступлениях. Своими переживаниями и ощущениями она делилась с Соней, а в душ старалась ходить в наименее людное время, чтобы не демонстрировать синие полосы на спине. Любопытство росло, и однажды Соня не вытерпела.

— Душа моя, — несмело начала она, — ты же помнишь, что я слегка двинутая?

— Это трудно не заметить, — согласилась соседка. — Но с годами привыкаешь.

— Я хочу поставить опыт. Нужно, чтобы твои извращенцы устроили мне порку.

Соседушка молча ждала объяснений.

— Понимаешь, в детстве я ходила босиком по снегу, чтобы понять, что чувствовала Зоя, когда её пытали. Вот... Но сама себя я же не выпорю? А по твоим рассказам сложно составить представление...

Соседушка хмыкнула:

— И ты ещё смеешь их называть извращенцами? Нет, я, конечно, могу спросить, но это же не тяп-ляп делается, должно возникнуть особое психологическое состояние, типа доверия, всё такое. — Боюсь, у Зои доверия к немцам не было.

— Да зачем тебе это?

Соня пожалала плечами:

— Не знаю.

Она, конечно, могла объяснить, что слишком долго живёт с Зоей в голове и слишком живо её представляет, чтобы не попытаться ощутить всё, через что той пришлось пройти. Можно было обосновать свои идеалы и принципы, но это прозвучало бы слишком пафосно. В конце концов Соне хотелось испытать себя: выдержала бы она или нет?

— Короче, надо без доверия и так, чтобы до меня допёрло.

— Что именно?

— Всё.

Соня с соседушкой приехали в Выхино, снаружи мелко капал дождь.

— А почему — Фантом? — поинтересовалась Соня. — Фиг знает.

Он подошёл незаметно — почти подкрался. С Фантомом Соня переписывалась в сети. По соседушкиной наводке именно он должен был выступить в роли мучителя. Его аватарка демонстрировала мощную спину в татуировках, но в жизни он походил на сублильного старшеклассника с робкой порослью под носом. Соня представила, как комично они будут смотреться в паре, и изо всех сил напрягла мышцы лица, чтобы не расхохотаться. Соседушка показала ей кулак, а Фантом принял выражение Сониного лица за волнение и покровительственно похлопал по плечу.

Дождь набирал силу, под козырьком соседнего клуба супермаркета топтались бомжи. Фантом резко остановился, оказалось, что уже пришли. Никаких опознавательных знаков, железная дверь заперта, звонить пришлось несколько раз, прежде чем из динамика послышался голос:

— Кто?

— Организаторы, — ответил Фантом, и тогда дверь раскрылась.

— Явка провалена, — пошутила Соня, но никто не засмеялся.

Соня и сама своей шутки не поняла — теперь она действительно нервничала.

Крутая лестница вела в подвал, соседка уверено миновала гардероб и открыла ключом боковую дверь. За ней оказалась комнатка с диванами.

— Переодеваемся здесь.

Соня достала из пакета жемчужно-серое платье и туфли на невысоком каблуке, стянула джинсы и свитер. Голое тело покрылось гусиной кожей, и она поскорее влезла в платье.

— А я не замёрзну?

— Нет, там тепло. Есть пледы, можно будет накинуть. Не затягивай ремень туго, у тебя пузо выпирает. Погоди...

Соседка подошла и стянула ремень, утягивающий платье, с талии на живот.

— Вот так хорошо.

Настроение тут же испортилось.

Потом она взяла Соню под руку и распахнула перед ней дверь:

— Идём?

Шли по коридору, оформленному в чёрные и красные тона. В стенах были сделаны выемки, где висели наручники-зажимы-плётки-заклёпки...

«Словом, всё необходимое для простого извращенского счастья!» — подумала Соня.

Зал выглядел как обычный зал в клубе: с диванами-столиками и барной стойкой.

Едва девушки уселись, как к ним подошёл громоздкий человек с охапкой плетей и фотоаппаратом и спросил:

— Вам какая больше нравится?

Соня с серьёзным видом каждую плеть пощупала, рассмотрела, чуть ли не на зуб попробовала — одно- и многохвостые, разного плетения и толщины — и ответила:

— Простите, я не специалист...

— Она здесь в первый раз, — пояснила соседка, и Соня почувствовала себя луговым цветочком.

— А что, тут ещё и фотографируют? — спросила она, когда громоздкий человек удалился.

— А как же. Но можно попросить, чтобы никуда не выкладывали. И, кстати, правила ты знаешь? — Ну... вроде как...

С Фантомом они обговорили зоны и силу порки, но мало ли?

— Сигналы стандартные: «жёлтый» — ослабить, «красный» — прекратить. Вообще ты можешь взять любое слово, только не «стоп» или «хватит».

— А почему не их?

— Такие правила.

Соня послушно кивнула.

— Но скорее всего, ты сразу впадёшь в транс, так что номер закончат без тебя. Я вот впадала — не помню, как отвязывали.

Сцена находилась чуть ниже зрительного зала, с потолка свешивались верёвки, одна из стен была обита чем-то чёрным «под кожу», разделённым на квадраты, и напоминала стену камеры для душевнобольных. Слева стояла клетка, правая сторона зала была занавешена красными портьерами.

— Там зона уединения, — сообщил подошедший с подносом Фантом. — Я принёс вам чай. Сейчас ещё гостя из Индии встречу, и сможем начать.

В зале было прохладно, и чай пришёлся как нельзя кстати. Идущая мимо стола грузная тётка, похожая на Крачковскую, в коже и траурном макияже, впилась глазами в Соню. В груди ёкнуло, захотелось подпрыгнуть и убежать.

— Это госпожа Плющечка, — шепнула соседка. — Она больше на гантелю смахивает, — ответила Соня.

Гость из Индии оказался невысоким, улыбчивым и назойливым. Самым неприятным в нём было то, что он мгновенно положил глаз на Соню, которая изнывала от безделья и неопределённости, ей хотелось, чтобы всё поскорее закончилось, а знакомиться и разговаривать ни с кем не хотелось. Потому она улыбалась, кивала в ответ на все вопросы и курила. Соседка сообщила индусу, что Соня тут впервые, к «теме» отношения не имеет, просто зашла попробовать.

Люди собирались неохотно, время подбиралось к полуночи, и вместе с ним подбиралось беспокойство о последней электричке.

— Может, уйдём? — предложила Соня. — Надоело ждать.

— Ну, нет! — отрезала соседка. — Раз уж пришли, то тебя выпорют! На крайняк, уговорим Фантома взять нам такси. Сейчас спрошу, — и она куда-то упорхнула.

Индус подсел к Соне вплотную и стал рассказывать про Амстердам. Потом предложил съездить туда вместе, для чего спросил с акцентом:

— Телефон? — и подмигнул.

«Пакость какая!» — думала Соня, но улыбалась мило и даже продиктовала номер, понимая, что никогда больше не станет отвечать на звонки с незнакомых номеров.

— Ты ремень лучше здесь сними, чтобы на сцене не заморачиваться, — наконец-то вернулась соседка. — Сейчас начнут. Ты первая, и сразу уходим.

Соня расстегнула ремень и положила на диван. Индус глядел на неё с восхищением.

Заиграла музыка, и началась программа.

Соня не слушала, что говорила ведущая, она следила за Фантомом, и когда тот подошёл, сразу же вскочила со своего места, пожалев напоследок, что не успела зайти в туалет.

Зрители зааплодировали, Фантом взял её руку и помог спуститься на сцену. Стараясь делать всё красиво, Соня откинула распущенные волосы, Призрак расстегнул молнию на её платье и помог стянуть его через голову.

Высоко на чёрной мягкой стене были прочно закреплены два кожаных браслета. Фантом застегнул их у Сони на запястьях и, прижимаясь к ней телом, вплотную придвинул её к стене. Противно было его прикосновение, голая грудь неприятно касалась стены. Справа глазели зрители, и Соня старалась держать голову так, чтобы лицо заслонялось поднятым локтем правой руки. Фантом закинул ей волосы за плечо и отошёл.

Первые удары плёткой-многохвосткой ложились мягко и прохладно. Следующие напомнили похлопывания горячим веником в бане. Соня почти решила, что всё пройдёт безболезненно, когда всей спиной услышала свист плётки и движение воздуха. Она зажмурилась, плётка силой удара швырнула Соню в стену. Лбом она стукнулась так, что лязгнули зубы. Боли не было, только удивление. Боль пришла со следующим ударом. И со следующим. Каждый раз был сильнее предыдущего, Соня снова и снова билась лбом.

Фантом зашёл сбоку, так чтобы не видели зрители, и шепнул:
— Нормально?

Она повернула голову, увидела его разгорячённое лицо с бешеными глазами и кивнула.

Фантом разошёлся и хлестал её без устали. Казалось, уже не может быть больше, но когда обрушился новый удар, Соня тихо вскрикивала. Горели правое плечо и бок, по которым плётка ударяла чаще, чем по другим местам. Обещанный транс не приходил, и терпеть было уже невозможно. Волосы растрепались и легли на спину, подкашивались ноги, и Соня часто переступала, чтобы не упасть. Зал волновался.

Вдруг Фантом прекратил её бить и сильно прижался к ней тазом, поглаживая ей бока и плечи и тяжело дыша в затылок.

«Как кобылу», — подумала Соня, и её затошнило.

Фантом отскочил и продолжил своё дело.

Головой Соня упиралась в стену, когда она открывала глаза, то видела в стороне тень от замаха и снова зажмурилась. Надо было держаться. Потом истязатель снова неприятно тёрся о её голое тело, и от унижения ей хотелось заорать «Красный!», а потом, когда Фантом освободит ей руки, надавать ему оплеух на глазах у всего зала. Но именно это унижение и давало сил терпеть дальнейшую порку.

Она не отмечала времени и не считала удары. Вдруг ей стало ясно, что происходящее с ней не имеет смысла, что никакой военной тайны она не знает и выдать не сможет, а её избитая спина никакой пользы Отечеству не принесёт. И когда

Фантом попытался прижаться к ней в очередной раз, она повернула к нему лицо и внятно произнесла:

— Красный.

Зрители остались более чем довольны. Под бурные аплодисменты Соня натянула платье и поднялась обратно в зал. Индус пытался целовать ей руки, а соседка воскликнула:

— У тебя кровь! Ну-ка пошли!—и утащила её в гримёрку.

Пока Соня натягивала джинсы, соседка осмотрела её спину:

— Да он тебе все родинки посдирает! И платье испачкалось.

— Живот у меня не выпирал?—спросила Соня.

— Нет, ты круто смотрелась. Зал охал и ахал. А я так за тебя переживала, что хотела вскочить и отпинать Фантома. Как ты себя чувствуешь?

Соня пожала плечами:

— Платье жалко. Отстирается?

— Доедем до дома—замочим. Нас уже такси ждёт. Сама-то как?

Соня опять пожала плечами:

— Пойду умоюсь.

Ей было противно и обидно за свою слабость. В туалете она взглянула в зеркало. Румянец во всю щёку, глаза горят. Физиономия—только в цирке показывать. Но почему-то хочется разреветься.

— Это нормально,—кивнула соседка, когда Соня вернулась.— Меня чайком отпаивали, главное, не оставаться в одиночестве, а то совсем обидно.

Уже шёл другой номер—девицу упаковывали в бандаж, и со сцены звучал такой утробный вой, что впору было вызывать милицию.

— Что ж она так орёт?—удивилась Соня.

Сквозь приоткрытую дверь раздевалки можно было разглядеть, как одно голое тело заламывает и опутывает верёвкой другое голое тело. Это было смешно, но красиво.

— Кайф ловит.

На пути к выходу им попался Фантом. Томно глядя на Соню, он заявил:

— Судя по реакции зала, у тебя есть потенциал. Тебе надо чаще у нас бывать.

Соня вымученно улыбнулась и ответила:

— Пока!

— И как?—спросила соседка, когда они улеглись в кровати.— Допёрло?

Соня вздохнула.

— Я слабак. Сдала бы всех.

— Не огорчайся, зато ты произвела фурор и можешь завести себе раба-индуса. Будет полы мыть и выгуливать наших воображаемых животных.

— Хотя какая-то польза,—согласилась Соня.

Послушание

Весна была поздней и быстрой. Голые деревья за два дня успели покрыться листьями, земля выпустила на волю траву, и дворники-таждики с волнением посматривали на газонокосилки. Из парка на тротуары устремились полчища жуков, ползли цепочками—след в след, и шагу было не ступить, чтобы не раздавить с десятков. Вечерами в воздухе летал запах свежего хлеба, столь же ощутимый, как и приближение экзаменационной катастрофы.

— Надо сходить к Матронушке, — заявила соседка. — Мама говорит, она помогает, если хорошо попросить. И госы сдадим, и работу нормальную найдём. — От извращенцев она к тому времени порядком устала.

Соня не представляла жизни вне института, жить снаружи литературы она не умела и потому твёрдо собиралась поступать в аспирантуру — чтобы как минимум сохранить место в общежитии.

И она кивнула:

— Надо.

Стояли в хвосте очереди к Матронушке и думали кто о чём: соседка о делах своих скорбных, а Соня о том, что невозможно подобной вере быть ни к чему, раз люди несут цветы, стоят часами перед входом и ждут чуда — оно должно произойти, и сама начинала мысленно шептать «Матронушка, моли Бога о нас».

Вдоль очереди продвигалась молодая послушница в чёрных одеждах и чёрном платке на ярких жёлтых волосах. Она подходила к людям, что-то спрашивала, и если те кивали, уводила их внутрь храма.

— Сёстры, не желаете поработать на послушании во славу Господа? Четыре часа — до закрытия, — златовласка добралась и до них. Во рту у неё была жвачка.

И таким странным показалось Соне это зрелище, так несопоставимы были храм и жвачка, что от неожиданности она согласилась. И соседка за компанию.

Жующая златовласка велела им стоять у стеночки вместе с другими работниками, забрала цветы и отнесла их к мощам. Вернулась и спросила, у всех ли есть крест на шее? Все молчали, но златовласка не отступалась, и тогда Соня, которая боялась, как бы её не выгнали из храма, нерешительно потянула вверх руку. Златовласка взяла у неё несколько мелких монет, взамен дала деревянный крест на чёрной нитке. Потом посмотрела на Соню внимательно, выхватила из группки маленькую круглую девочку и вдвоём повела их в подсобку, заставленную цветами в вазах.

— Сюда кладём сумки и запоминаем номер, — звеня связкой ключей, она открыла шкаф с железными секциями, как в супермаркете, — поднимаемся

по лестнице, там снимаем верхнюю одежду и надеваем рабочие халаты. Быстро-быстро!

Халаты были сырыми и противными.

— Сёстры, поторопитесь! — донеслось снизу.

Работа оказалась простой: обламывать головы цветам. Называлось это обработкой. Предыдущие послушницы наскоро объяснили, из каких цветов делать короткие букетики, а какие — красивые, длинноногие — по отдельности ставить в вазы. Потом они оделись и ушли, и Соня с девочкой остались наедине с горой цветов. Девочка представилась Антониной («надо же, — подумала Соня, — такое мелкое существо — и Антонина!»), оказалась она вполне совершеннолетней и болтливой.

Прошло полчаса. Приходили парни с цветочными охапками, уносили и опорожняли где-то баки с отломанными стеблями. Кроме того, от них была очень большая польза: пока Антонина строила им глазки, она не лезла с расспросами к Соне. Снаружи уныло топталась соседка, заглянув внутрь, сообщила, что ей послушания до сих пор не дали. Соня посочувствовала. Обламывать бутоны было легко, но с непривычки она исколола руки шипами от роз. А тут ещё новые ботинки решили поиграть в испанский сапог и корёжили ноги так, будто за что-то возненавидели хозяйку. Когда на пороге подсобки вновь появилась златовласка, Соня спросила про сменную обувь, но её не оказалось.

— Могу сменить вам послушание, — златовласка смотрела с пониманием.

— Нет-нет, спасибо!

Некоторое время работали молча, потом пришла высокая монахиня и дала втык за неправильно обрезанные букетики.

— Мы их людям раздаём, надо, чтобы стебель оставался, — сообщила она гулким капризным голосом. — Вот вам пособие, — она отрезала стебель у хризантемы, затолкала цветок за ручку навесного шкафа и ушла на лестницу разговаривать по телефону.

Кто-то заглянул в каморку и спросил сестру Людмилу. Оказалось, на лестнице с телефоном — это она. Ещё через полчаса стало невмоготу — пальцы на ногах скрючились и ныли от боли. Соня решила разуться.

— Там на лестнице висят тряпки, — сказала Антонина, — может, постелить, и ты бы на них встала?

Соня аккуратно пробралась наверх, под равнодушным взглядом Людмилы сняла с перил сухую половую тряпку, постелила её на кафедру возле рабочего стола и разулась. Ноги отозвались воплем благодарности.

— Никто не хочет завтра на службу в Архангельский собор? Есть пригласительный, — голос Людмилы проплыл за спиной и пропал возле выхода. Когда Соня оглянулась, в каморке уже никого не было.

— А ты женатый? — прощбетала Антонина плюгавенькому парню, который носил цветы. Она уже выяснила, что зовут его Владим.

Парень смутился и потащил на мусорку забытый стеблями бак. Вернулся он с цветами.

— Так несёшь, будто предложение сейчас делать будешь! — не отставала от него Антонина.

Парень перепуганно улыбался закрытым ртом и исчезал за дверью. Какие-то люди входили и выходили, спрашивали, где можно заказать панихиду, не дадут ли им временно платок, как можно поработать во славу Господа. В каморку заглядывали монахины, пеняли на гору необработанных цветов, на засыпанный листьями пол, на переполненные баки. Каждая считала своим долгом поторопить, указать, навязать дополнительную работу.

— Это что ещё такое?! — сестра Людмила смотрела на Сонины ноги.

— Каблуки... — пояснила Соня, морально готовясь к расправе.

Сестра Людмила взглянула на неё, как на букашку, и попыталась выяснить у остальных сестёр, куда делись прибережённые на подобный случай тапки. Тапки как в воду канули, Соне разрешили стоять босиком.

— Вам объяснили, что делать? — спросила Людмила. И не дожидаясь ответа, повторила инструкцию предыдущих работниц. — Ни в коем случае не трогайте эксклюзив — его в отдельную вазу.

Кто-то принёс букет с мокрыми и подгнившими стеблями, надо было разобрать его и обработать. Людмила, которая начала отбирать цветы для Матронушки, оглядела букет, выщипала из него сухую пушистую траву и бросила остатки перед Соней. Непослушные стебли проворачивались в руке, пачкали халат, мазнули Соню по запястью, и к запаху привычных духов прибавился аромат гнили. Это беспокоило, и Соня постоянно нюхала запястье, снова и снова убеждаясь в том, что мерзкий запах ещё на месте.

Людмила обрезала розы, не заботясь о том, чтобы стебли падали в бак, и они валялись на пол, к самым босым Сониным ногам. Антонина притихла и больше ни с кем не заигрывала.

Очередная гора цветов кончилась, новой не несли, и девушки застыли, облокотившись на стол. — Простите... А зачем надо обламывать бутоны? — спросила Соня у Людмилы. Та взглянула на них, на опустевший стол и потребовала:

— Не стоим, не стоим! Смотрим, какие цветы в вазах подвали — и на обработку. Белые короткие туда же. Обламывать и подрезать надо, чтобы не перепродавали потом — разный народ бывает.

Девушки бросились к вазам и, раздвигая высокие пышные цветы, стали искать белые с коротким стеблем. Подвядших не было.

— Занимаемся вазами, только когда нет основной работы! — тут же окрикнула их Людмила, и,

вернувшись, Соня увидела, как в каморку вползает охапка цветов.

Рядом с Людмилой, делающей букет, встала ещё одна монахиня, и от широкого прежде стола послушницам остался лишь край. Соня сжималась и отодвигалась как можно дальше, но Людмила продолжала её теснить и нарочно роняла мокрые колючие стебли на её ноги. Соня нагибалась, подбирала и кидала стебли в мусорный бак. Иногда Людмила швыряла на стол перед девушками цветы и коротко сообщала: «В обработку» — и Соня думала о том, как жутко это звучит. Наконец оба букета были готовы, и монахины, прижав к груди хрустальные вазы, ушли к мощам. Соня огляделась, чтобы никто не услышал, и поделилась с соседкой богохульственной мыслью:

— Чувствую себя работником концлагеря.

— А представляешь, свекровь такую иметь? — засмеялась Антонина.

— Отечественная литература знает немало примеров.

Прошло несколько часов, в коморку зашла соседка и сообщила, что стояла на подсвечнике возле мощей, что её послушание закончилось, к мощам её провели вне очереди, и можно ехать домой. Соня ответила, что у неё ещё уйма работы, и никто её пока что не отпускал.

— Может, попросить ещё послушание? — задумалась соседка. — Или домой поехать?.. Дел невпроворот... Ладно, прогуляюсь снаружи, может, вернусь. Но на всякий случай: до свидания!

Соня кивнула.

— Ой, не хочется ей работать! — улыбнулась Антонина.

— Нет, тут другое, — Соня решила защитить подругу. — У неё сомнения. Знаешь, проклятый русский вопрос, точнее, не так, проклятый вопрос русской интеллигенции...

— Сестра! Не надо так выражаться, вы всё-таки в храме! — возле дверей стояла сердитая златовласка.

Соня опешила и попыталась понять, что же именно её так возмутило: русская? интеллигенция? вопрос? Слово «проклятый» не сразу пришло на ум, а когда пришло, Соня от испуга закрыла рот ладонью.

— Ой...

Златовласка укоризненно покачала головой и, прижавшись к косяку, впустила в каморку пожилую монахиню. Та, со словами «Деточка, ну кто же так делает!» немедленно отобрала у Антонины цветы, отодвинула её в сторону и стала сама обламывать бутоны. — Секатор положи, ты так и до ночи не справишься. А ты что ж так длинно стебель режешь? — обратилась она к Соне.

— Нам сестра Людмила сказала так резать, — Соня кивнула на пособие, висящее перед лицом.

— А я не могу без секатора — я руки исколола, — возмутилась Антонина.

— Секатор вообще зря давал, ничего твоим рукам не будет, заживут, а стебель надо короче.

— Так вот же: нам сказали — длиннее.

— Вообще-то у меня руки действительно болят!

Равнодушие монахини сильно задела Антонину.

— Не надо спорить, а лучше бы попросили благословить.

Монахиня глядела выжидающе, но Соня растерялась и не могла заставить себя испросить благословения. Ей вообще было неловко говорить с кем-то в храме — едва ли она помнила хотя бы «Отче наш», а церковные церемонии были для неё тёмным лесом. Называть же совершенно посторонних женщин сёстрами и матерями — казалось дикостью, и потому в течение этого дня она ко всем обращалась так: «Простите».

Монахиня отвернулась и сказала:

— Берите цветы, быстренько.

Антонина стояла напротив неё, уперев руки в бока:

— Хватит на меня кричать! — потребовала она.

— Руки с боков убери, — монахиня была непреклонна. — И работай.

— А вы прекратите командовать!

Монахиня посмотрела на неё внимательно, а потом сказала:

— Одевайся, бери вещи и иди с богом.

— И уйду! Соня, ты идёшь?

Та покачала головой. Антонина пыхнула злостью, развернулась и ушла одеваться.

«Вот тебе и смешливая девочка», — подумала Соня, удивляясь собственному спокойствию.

— Ласковое теля двух маток сосёт, — суровая монахиня вдруг подмигнула Соне. — А эту рогатая рожа баламутит. Ишь ты — руки в боки!

Соне вдруг захотелось спать. Шёл пятый час послушания, одеревенела спина, тряпка, на которой она стояла, промокла, и ноги мёрзли. Соседушка не возвращалась, но так было даже лучше. Внутри растекалась тихая радость, и не хотелось расплескать её в пустой болтовне.

— Тебя как зовут? — спросила пожилая монахиня. — Софьей.

— Вот что, Сонюшка, давай-ка подмети пол, а потом все букеты, что в вазах — на обработку. Кроме эксклюзива и хризантем. И к мощам за цветами сама ходи, а то мужиков не дождёшься.

Пришлось обуться. Ботинки лежали в углу, отодвинутые сестрой Людмилой, и выглядели жалко: подмокшие, перепачканные зелёным. Пальцы на ногах взвыли, когда Соня обулась и сделала первый шаг, потом притерпелись.

Прошло ещё полчаса, в храме началась вечерняя уборка, мать Елена — та самая пожилая монахиня — объявила прихожанам, что доступ к мощам заканчивается, и вскоре внутри храма не было ни одного постороннего человека. Скрипели вёдра, и шлёпались на пол мокрые тряпки. За спиной

кто-то набирал воду, кто-то её выливал. Вновь пришедшая женщина с нерусским разрезом глаз принесла Соне последние освящённые цветы и присоединилась к их обработке.

— Сейчас вернусь, — сказала Соня и, хромя, побежала к Матронушке. Монашка с тряпкой, видимо, уже протёрла раку, но, вздохнув, всё-таки разрешила приложиться к мощам.

— Я просто работала весь день — не успела... — пояснила Соня.

Приложиться удалось на целую секунду дольше, чем обычному прихожанину, а потом раздался заунывный возглас охранника:

— Проходим, не задерживаем...

Охранник вдруг посмотрел на неё, на пустоту за её спиной, задумался и добавил:

— ...сестра! Проходим, не задерживаемся!

Соня выпрямилась, быстро перекрестилась, поклонилась мощам и побежала к рабочему месту.

В каморке уже хозяйничали две девчухи из монастырского приюта — постарше и помладше — что-то искали.

Следом за Соней вошли мать Елена и сестра Людмила, девчухи завопили хором:

— Благовословите!

Мать Елена перекрестила их и спросила, что случилось.

— Завтра в школе праздник! — захлёбываясь говорила та, что помладше, и старшая подхватывала: — Нам нужно сделать двадцать букетов!

Женщины всплеснули руками:

— Где же вы раньше были?! Закончились цветы, только на утро раздача осталась.

Девчухи напряжённо сопели, раздача — отломанные головки цветов — ну никак не годилась для букетов.

— Ладно, что-нибудь придумаем, идите пока, — сказала мать Елена и опять их перекрестила.

Девчухи, наклонив головы, прошмыгнули к двери, сестра Людмила посмотрела им вслед и ласково прошептала:

— Котятки...

Выяснилось, что большинство послушников подтягивается именно к закрытию храма, Соня почти равнодушно отметила, сколько среди них молодых и симпатичных парней, но внезапно сестра Людмила взглянула на часы, потом — на Соню и велела:

— Всё, домой!

Соня поднялась по лестнице, стянула халат и еле отыскала свой плащ под чужой одеждой. Невесть откуда взявшаяся златовласка, отпирая ячейку с Сониной сумкой, спросила:

— Понравилось? Ещё придёте?

Соня кивнула и вдруг поняла, что, надев светскую одежду, снова превратилась в обычного человека, достойного уважения и обращения на «вы». Она и вправду собиралась прийти сюда вновь.

«Судя по реакции монашек, у меня есть потенциал!—хмыкнула она про себя.— Им бы соседушкиных извращенцев на перевоспитание, глядишь, людьми бы стали...»

Последняя ночь

Поздним вечером Прасковья вышла из дома. В морозном воздухе ещё стоял запах гари— день назад кто-то поджёг три избы, и немцы приказали жителям караулить свои дома. Из темноты донёсся скрип шагов. Прасковья насторожилась, но ходоки шли уверенно, а когда шаги приблизились к дому, женщина разглядела, что по заснеженной улице немецкий патруль вёл девушку. Шла она в одной нижней рубашке, ступая босыми ногами по снегу, и руки её были связаны за спиной.

— Матка!— крикнул немец.— Партизан!

Крестьянка посторонилась, и девушку завели в избу. Тут же раздался гогот солдат, стоявших у Прасковьи на квартире, и она поспешила внутрь.

Девушку толкнули на скамейку возле печки, и она охнула от боли. Была она совсем юной, с большими серыми глазами и тёмными стриженными волосами. Хозяин избы свесил было вниз кудлатую голову, но немец прикрикнул на него, и тот снова скрылся наверху.

— Фрау партизан!— кричали немцы и о чём-то лязгали на своём железном языке.

Солдаты окружили партизанку. Они шпыняли её кулаками и подносили к лицу зажжённые спички, а кто-то провёл по спине пилой. Хозяйка с ужасом смотрела на их забавы. Беззащитная, девушка молча терпела издевательства, пока мучители не натешились и не ушли спать.

И тогда она попросила воды.

— Можно?— спросила Прасковья у часового.

Он схватил со стола керосиновую лампу без стекла и поднёс к лицу девушку. Та не вскрикнула, лишь отшатнулась. Огонь жёг сомкнутые губы, но она в упор смотрела на немца, и тот не выдержал— убрал лампу и разрешил её напоить. Девушка с жадностью опустошила четыре стакана. — Вставай!— скомандовал часовой и, привязав к её скрученным рукам длинную верёвку, пинком отворил дверь.

«Сейчас?— думала она.— Неужели сейчас?» Колочий ветер забирался под рубашку, и хотелось согнуться и упасть, согреть несчастное тело. Ноги едва держали, и она напрягала каждый мускул, чтобы идти прямо и смерть свою встретить гордо.

Кончилась улица, вдалеке темнел лес. Часовой крикнул «Щурюк!» и повёл девушку в обратную сторону.

«Значит, ещё не всё,— поняла она,— и будут ещё пытки, и надо выдержать».

Мысли путались в голове, но она понимала, что теперь они идут в сторону Москвы, которая не сдаётся врагу и никогда не сдаётся, потому

что есть такие, как она, есть те, кто не даёт покоя немцам, и знание это придавало сил. Но улица заканчивалась, и снова надо было поворачивать к западу, к фашистскому логову, до которого она уже никогда не сможет дойти, и тогда ей казалось, что никогда прежде она не знала ни холода, ни боли.

Босая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока её мучитель сам не продрог и не решил, что пора вернуться под тёплый кров. Верёвку он привязал к дверной скобе, а партизанку толкнул на лавку к печке, и от жара ооченевшее тело ломило нестерпимо. Так продолжалось до двух часов ночи: через каждые полчаса она слышала команду «Встать!» и, шатаясь, на негнущихся почерневших ногах выходила на улицу.

Наконец молодого солдата сменил пожилой.

Он глянул на измученную девушку и попросил у Прасковьи подушку и одеяло.

— Ложись,— сказал он партизанке, и когда та непослушным телом повалилась на лавку, сам накрыл её одеялом.

Полежав, она попросила:

— Пожалуйста, развяжите мне руки,— и немец распутал узлы на локтях и запястьях.

Едва ли она спала в эту ночь. Липкий кисель сна на несколько минут обволакивал сознание, но нестерпимо горели отмороженные ноги, и казалось, что кругом бушует огонь— тот самый, который она не успела зажечь. И тогда она просыпалась и хватала ртом воздух, пытаясь надыхаться впрок. Она отдавала себе отчёт, что эта ночь— последняя, что немцы её не пощадят и что пощада от них была бы для неё ужаснее любых пыток. И она сжимала кулаки, пытаясь не думать о маме и брате, стараясь сильнее ощутить боль во всём истерзанном теле, чтобы заглушить боль душевную. Узнает ли мама, как погибла её дочь? Или лучше исчезнуть навсегда, раствориться в военной зиме, пропасть без вести? Да, она не увидит весны и не услышит слова «победа», но она знает, она верит в это слово, оно обязательно случится. И значит, надо держаться изо всех сил, чтобы не показать врагу, как ей больно. Пока она их не боится, они боятся её. И значит, надо так умереть, чтобы стало им ещё страшнее, так умереть, чтобы ещё больше стали они бояться каждого, кто умеет так умирать и так не бояться их смерти.

И она снова падала в темноту.

Сумрачным деревенским утром к ней подошла хозяйка. В руках она держала ковш с водой. Девушка благодарно кивнула и опухшими обожжёнными губами припала к краю ковша. Непослушные губы не сжимались, и вода тонкой струйкой текла по подбородку и шее.

— Ты чья?

Девушка рукой отёрла лицо и взглянула на неё исподлобья:

— Московская.
— Родители есть?
Партизанка молчала.
— Кому передать? Убьют они тебя.
С улицы донеслись звонкие удары топоров: через четыре избы от дома Куликов немцы вкопали в землю столб и сейчас прилаживали к нему перекладину. В комнату заглянул офицер. Прасковья ожидала ругани и нырнула было за печку, но тот молча закрыл дверь и вышел из дома. К рядовым, жившим у них с мужем на квартире, она привыкла, а с офицерами дел не имела и оттого побаивалась их.

— Девонька, ой, бедная!—Прасковья покачала головой.—Имечко хоть скажи.

Партизанка с усилием подняла голову.

— Зачем вам это знать, тётенька?

— Помолюсь за тебя. Родителям расскажу, как умерла. Пусть знают, где могилка,—шептала Прасковья, стараясь выдержать её тёмный, ожесточённый взгляд.

— Нет,—выдохнула партизанка,—нет... Пусть эти изверги надо мной издеваются, пусть расстреляют... Нас много, всех не расстреляют. Это наша земля. За меня отомстят.

Удары топоров звенели над деревней, но девушка их не слышала.

— Не расстреляют,—кивнула Прасковья.—Повесят. Слышь? Виселицу ставят.

Медленно, перебарывая боль, девушка распрямилась и откинулась на белёный бок печки. Вдруг она вздохнула так глубоко, будто пыталась вобрать в себя весь застоявшийся кислый избяной воздух.

Вот и всё. Значит, таким будет её конец. Значит, вся короткая жизнь была нацелена именно сюда—в затерянную среди лесов подмосковную деревню. Она не выполнила задания, деревня цела, ей нечем оправдаться перед командиром. Если бы ей хоть на секунду взглянуть ему в глаза, он бы понял, почему так случилось, он бы рассказал всем, что она не предатель, что на месте встречи была засада и она едва успела скрыться. Что ещё сутки блуждала по лесу, пытаясь найти своих, а когда не сумела, решила выполнить приказ до конца и снова пошла в Петрицево. Что её захватили врасплох, что она не успела вытащить оружие, что даже под пытками ничего не сказала.

Да, не в её силах передать всё это товарищам, она даже не имеет права назвать своё имя. Пусть так, но одно в её силах и в её праве: она умрёт с честью, как обещала маме, товарищам, как обещала стране. Никто не обвинит её в трусости.

— Позавчера это ты была?—не отставала Прасковья.

— Я. Немцы сгорели?

— Нет.

— Жаль. А что сгорело?

— Кони ихние сгорели. Сказывают, оружие сгорело.

— Вам давно надо было уехать из деревни.

Прасковья только рукой махнула. Слишком быстро враг подошёл к Москве. Слишком многие остались под немцем, несмотря на приказ уходить. Да и куда уходить крестьянам, у которых только и есть что изба да кое-какие припасы в подполе. Кому нужны чужие рты, когда свои еле прокормишь? Погорельцы, и те не уходят, ютятся по соседям. А ведь остаться на пепелище среди зимы—что хуже для русского человека? Взять хотя бы позавчерашних погорельцев.

Хлопнула дверь и—легки на помине!—в дом ворвались Федосья Солина со Смирновой Аграфеной, хозяйки сгоревших изб. Они уже знали о поимке поджигателя.

Едва кивнув Прасковье, Федосья огляделась и заметила партизанку. Лицо её исказилось от злости.

— Вот кто тебя пожёт!—крикнула она Аграфене и снова повернулась к девушке.—Ах ты, гадина! Сука ты паршивая!

Она распяла себя руганью почти вопреки желанию и, может быть, открывшись, оплакав своё жилище, в которое была вложена вся небогатая жизнь, убралась бы восвояси, но обидчица подняла голову и взглянула на Федосью глазами, полными презрения и ненависти. И так полоснул этот взгляд, так надо было его прервать, что женщина, не помня себя, стала бить партизанку по лицу.

Бывшие в комнате немцы с интересом следили за двумя русскими бабами и не пытались их остановить.

— Да чтоб ты сдохла!—вступила Аграфена, замываясь vareжкой.—Тварь!

Прасковья без слов начала толкать их к двери, Аграфена схватила стоящий на полу чугунок с помятой и швырнула в партизанку. Чугунок раскололся, и помои окатили девушку с головой. Хозяйка наконец выгнала непрошенных гостей, молча взяла тряпицу и отёрла девушке лицо. Та не шевелилась. Подошедший солдат схватил Прасковью за плечо и оттолкнул в сторону. Затем велел партизанке встать.

— Где ваш Сталин?

Девушка выпрямила спину и ответила по-русски:

— Сталин на своём посту. И больше я с вами разговаривать не буду.

В девять утра пришли офицеры и переводчик. Начался допрос. Хозяйку выгнали из избы.

Обе погорелицы стояли у крыльца. Как ни жалко было неизвестную партизанку, а своих деревенских бездомников куда как жалче.

— Что ж вы, бабы?..—укоризненно вздохнула Прасковья.

— Гляди, пожёт тебя такая — наплачешься, — злобно ответила Аграфена. — Чужое-то добро, небось, не жалко!

— Да разве побоями да руганью дом вернёшь?

— Не вернёшь, — согласилась Федосья. — Только и этой паскуде неповадно будет, и другим, которые с ней. Не одна она тут шастала, вона как немец всполошился. Теперь бы их всех переловить, пока бед не натворили. Они-то сбегут, а нам терпеть.

— Одна на всех беда досталась, — ответила Прасковья.

Когда она возвращалась, дверь рванулась из рук, навстречу выскочил хмурый переводчик. Офицер сидел за столом и что-то писал, не обращая внимания на партизанку, лежащую на полу в тёмной луже.

«Водой отливали, — догадалась Прасковья. — Ой, застудится!»

Она встрепенулась от глупой мысли, от стыда и ужаса, а подойдя ближе, увидела не воду, а кровь. Партизанка не теряла сознания, но была избита настолько, что не могла встать.

Шёпотом — чтобы не слышал офицер — ругая немцев, Прасковья под мышки подняла лёгкое безвольное тело и усадила на лавку к печке. Девушка села, сторбившись, и даже не стонала, только дышала хрипло и тяжело.

— Вот ваши немцы, — сказала она, — оставили меня раздетой. . . Оставили меня в рубашке и трусах. . .

Вернулся переводчик и бросил на лавку брюки и чулки. Партизанка была настолько обессилена, что не могла сама одеться, и тогда Прасковья встала перед ней и натянула сырые чулки на почерневшие ноги. Девушка только охала от боли.

— Потерпи, милая, — сказала хозяйка. — Теперь недолго мучиться.

Сапоги. . . Сапоги были. . . — взгляд девушки цеплялся за лицо Прасковьи, скользил и падал на пол, но снова поднимался вверх в такт дыханию.

Сапог переводчик не приносил.

— Дайте обуться, — попросила партизанка.

Прасковья, зная, что немцы забрали всё зимнее, растерянно осмотрела избу.

— Ой, милая, одни у нас валенки с мужиком. А тебе на что? Тебе только до виселицы добежать, она близко.

— Рус! — немец схватил партизанку за плечо и потянул вверх. — Шнель!

Из избы два солдата вывели её под руки, сама она идти не могла. Ноги не чувствовали ни снега, ни боли и едва держали небольшое хрупкое тело.

На улице ей на грудь повесили табличку с надписью «Поджигатель» и перекинули через плечо сумку с бутылками керосина, которым она так бесполезно распорядилась. Возле крыльца соби- рались немцы: конные и пешие — ждали команды.

Кто-то курил и каркал на своём вороньем языке, кто-то подкручивал объектив фотоаппарата. Но не солдатня притягивала её взгляд. Невдалеке, через четыре дома ломала буквой «Г» свою длинную шею виселица, и было видно, как ветер покачивает верёвку с петлёй.

В её короткой жизни всегда был завтрашний день, который казался таким огромным, что наступать его предел не хватало мысли. Будущее сияло вдали и манило к себе, оно приближалось, но не становилось меньше. И вот теперь это будущее горбилось на поле в середине захваченной врагом деревни, выставив напоказ всю свою неприглядность, ничтожность и конечность. Можно было обойти его кругом, увидеть три подпорки у основания столба, и скол между двумя из них, и ещё один повыше, и два узла вдоль верёвки, что отобрали у какой-нибудь крестьянки.

Да, будущее можно было рассмотреть как следует, его можно было потрогать и даже обхватить руками, но после такого будущего от человека оставалось лишь прошлое, и потому хотелось отвести глаза, чтобы, зная твёрдо то, что вскоре случится, ещё немного побыть в неведении. Но даже низко опустив голову, она продолжала видеть столб с перекладиной.

— Вперёд! — скомандовал один из немцев и толкнул партизанку в спину.

Двое солдат снова подхватили её под руки и повели туда, где уже толпился согнанный немцами народ.

И вдруг стало пронзительно ясно: это не верёвка качается на ветру, а считает секунды маятник в старых ходиках, что висят в сельской избе у деда с бабушкой, в ходиках, которые после лица матери она первыми помнила в жизни. И родной человеческий запах вспомнился ей, и деревянные полы в сенях, и букетики душицы, и тканые коврики в комнатах, и большие окна с рассадой на подоконнике, и сон на сеновале после долгого летнего дня. И лица родных, и ленты, подаренные бабушкой, и руки отца, и убежавшая за околицу коза. Всё милое и простое, надёжной стеной окружавшее такое недавнее начало жизни, пришло сейчас, чтобы поддержать её в самом конце.

Закаменевшее изуродованное тело вспомнило теплоту солнца, ощутило последнюю предсмертную силу, и тогда она рванулась из рук конвоиров, оттолкнула их локтями и, гордо вскинув голову, пошла прямо к этому маятнику, к своему будущему, к немецкой петле.

Юрка Седов, как все деревенские мальчишки, был любопытен. Накануне, когда патрули привели задержанную в дом, мать загнала его к сёстрам на печку и задернула занавеску. Но сквозь небольшую щель было видно, как один солдат рукой прижал девушку к стене, а двое других стали обыскивать.

Стянули со спины рюкзаки, потом сняли висевшую через плечо сумку с отделениями для бутылок, каждую из трёх бутылок открывали и нюхали — и по избе поплыл запах керосина. Отобрали отыскиваемый за поясом наган. Потом стали её раздевать: сначала зимний меховой пиджак, затем шапку-подшлемник, курточку и сапоги, пока она не осталась в тёплых брюках, носках и белой кофте с воротником. У партизанки оказались стриженные вьющиеся чёрные волосы, а больше ничего выдающегося Мишка не заметил.

Партизанка стояла в пол, как будто не чувствуя, что с ней делают — не мешая и не помогая немцам. Те ей вопросов не задавали и переводчика не звали, только переговаривались между собой и хохотали. Несколько раз ударили по щекам, но и тогда она взгляда не подняла.

Затем старший, с двумя кубиками на погонах, скомандовал «Рус, марш!», она повернулась и со связанными руками пошла к двери.

«Когда ей успели связать руки?» — удивился Мишка.

Он думал о судьбе девушки и о том, как ворвутся в деревню партизаны и освободят боевую подругу и как Мишка сумеет им помочь. И они заберут его с собой в отряд, и выдадут автомат, и он будет бить фашистов, и в Кремле товарищ Сталин вручит ему награду за подвиг. Намаевшийся Мишка не заметил, как уснул крепким детским сном.

Когда наутро немцы, жившие в избе, сообщили о предстоящей казни, Мишка помчался к виселице, а оттуда к дому, куда стекались солдаты.

Девушка стояла на земле далеко не так уверенно и безучастно, как вчера. Казалось, ветер качал её в такт петле, на которую она смотрела, не отрываясь. Губы вздулись и кровоточили, а на лбу синел след от удара. Полураздетая, в одних носках, казалось, она не ощущала мороза. Прозвучала команда, партизанку подхватили под руки, и вся толпа двинулась к виселице. Немцы полукольцом следовали за пленной, и юркому Мишке стоило большого труда пролезть между их шинелями. Где-то на полпути всё же сумел пробраться вперёд. Он опять увидел партизанку и удивился. Немцы уже её не держали, но девушка шла ровно и не глядела на верёвку. Сжав кулаки, она смотрела в землю, и шаг её был твёрд.

Процессию опережали два фотографа. Пятясь задом, они щёлкали затворами, но то и дело оглядывались, боясь упасть. Наконец дошли до виселицы. Вокруг неё уже толпился народ, и немцы стали отталкивать крестьян, расширяя круг. Фотографы продолжали щёлкать, стараясь в подробностях запечатлеть казнь.

Мишка почувствовал, как заняло в груди, он испугался, что расплечется. Кое-кто из местных жителей, постояв, тихонько отходил от страшного

места, другие, наоборот, подвигались ближе. Были здесь и погорельцы, дед Иван мелко крестился и отводил глаза, одна тётка о чём-то шепталась с соседкой, другая, опершись на палку, пристально следила за происходящим.

Отрывисто перелаивались немцы, негромко гудела толпа, и вдруг над заснеженным полем раздался громкий русский голос.

— Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Это моя смерть — это моё достижение!

И немцы и русские застыли. Голос, который пытались выбить из девушки вчера, зазвучал сегодня — громко и уверенно, но говорил он совсем не то, что было надо. Партизанка, глядя в упор на конвоиров-палачей, произнесла:

— Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен!

Офицер растерялся, замахнулся на девушку, а солдаты что-то закричали. Фотографы едва обратили внимание: они сняли виселицу издали и вблизи, а теперь пристраивались, чтобы сфотографировать её сбоку.

Она уже не понимала, что именно говорит, но видела ярость и страх в лицах врагов. Она отдавала последние силы для того, чтобы быть услышанной и чтобы звучать громче, без команды встала на ящик и подставила шею верёвке.

Петля сдавила горло, каждое слово и каждый вздох давались с трудом, но времени не оставалось, и было необходимо сказать последнее, самое главное, такое, что не даст ей умереть навсегда. Такое, что заставит немцев бояться её даже мёртвую, а русским людям даст силы жить и бороться с врагом. Да, это было самое главное, но слов не осталось. Она окинула взглядом толпу и встретилась глазами с мальчишкой. Он смотрел не отрываясь, и такая вера горела в его глазах, такая скорбь о её гибели, что углы её губ дрогнули и она улыбнулась ему на прощание.

Мишка стоял впереди всех и ждал того страшного, что должно было произойти. Он, как и все, вздрогнул, услышав русский голос — за месяц оккупации отучились кричать и взрослые и дети.

Он, как и все, вперился глазами в лицо партизанки, но слов не понимал и застыл на месте, когда та окинула прощальным взглядом толпу и вдруг посмотрела на Мишку. Он скривился от внутренней боли, от понимания чужой близкой смерти и почти не дышал. Девушка смотрела в его лицо, и казалось, она пытается улыбнуться. Палач упёрся кованым сапогом в ящик, тот заскрипел по скользкому утоптанному снегу. Верхний ящик свалился оземь. Раздался чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса...